УДК 1 (091)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2020-1/131-139

А.А. Кротов*

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ШАТОБРИАНА

Статья посвящена анализу философских представлений выдающегося романтика о причинах французской революции, направленности исторического процесса и ближайших политических перспективах человечества. Шатобриан, разделяя в «Опыте о революциях» просветительскую идеологию, начиная с «Гения христианства» подвергает ее многосторонней критике, стремится показать ее ограниченность. Он противопоставляет просветительскому подходу провиденциализм, неверию – христианскую мудрость. Метод постижения истории Шатобрианом на всем протяжении его творчества предполагал в качестве отправного пункта обращение к состоянию нравов и уровню культуры различных народов.

Ключевые слова: Шатобриан, романтизм, критика Просвещения, французская философия, французская революция

Chateaubriand's philosophy of history. ARTEM A. KROTOV (Lomonosov Moscow State University)

The article analyzes Chateaubriand's philosophical ideas about the causes of the French Revolution, the direction of history and the immediate political prospects of mankind. Sharing the Enlightenment ideology in his «Essay on Revolutions», Chateaubriand came to criticize it in «Genius of Christianity», trying to show its limitations. He contrasted the Enlightenment approach with providentialism, disbelief – with Christian wisdom. Chateaubriand's method of comprehension of the past assumed as a starting point an appeal to the state of mores and the level of culture of various peoples. Reflecting on the issue of the revolution was Chateaubriand's way of talking about the future of mankind. A certain outcome of Chateaubriand's philosophy of history is his position that the future is variable but impossible without religion. The motif of «repetition» in history retains its significance throughout all Chateaubriand's work, although its expressions vary and its understanding gradually gains numerous limitations.

Keywords: Chateaubriand, Romanticism, criticism of Enlightenment, French philosophy, French revolution

Политические события рубежа XVIII и XIX вв. послужили своеобразной точкой отсчета для многочисленных и довольно оригинальных философских интерпретаций всемирной истории. В их ряду важное место занимает концепция одного из лидеров романтического дви-

* КРОТОВ Артем Александрович, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: krotov@philos.msu.ru

© Кротов А.А., 2020

жения во Франции. Франсуа Рене де Шатобриан (1768–1848) провел детство в Бретани, в Планкуэ, учился в Дольском коллеже, в 1786 г. он прибывает в Париж, затем революция побуждает его покинуть Европу (в 1791 г.). В Америку он приезжает с надеждой совершить открытие Северо-западного морского пути из Атлантического океана в Тихий, но по-настоящему взяться за реализацию мечты ему не довелось, известие об аресте короля побудило его принять решение о возвращении в Европу. В составе контрреволюционной «армии принцев» он принимал участие в военных действиях под Тионвилем, с 1793 по 1800 гг. находился в эмиграции в Англии. Вернувшись во времена консульства во Францию, он поступает на дипломатическую службу, становится секретарем французского посольства в Риме. Выражая протест против расстрела герцога Энгиенского, он подает в отставку. В 1814 г. он издает антибонапартистский памфлет, в период реставрации занимает должность посла в Берлине (1821 г.), Лондоне (1822 г.), становится министром иностранных дел (1823–1824 гг.). Шатобриан отвергал политическую платформу ультрароялистов, все более сближаясь с либеральной оппозицией. Он осуждал переход власти к Луи-Филиппу в результате июльской революции 1830 г.; выражая несогласие с «похищением короны», заявил о своем отказе от звания пэра Франции.

Философия истории Шатобриана нашла свое выражение прежде всего в таких его трудах, как «Опыт о революциях», «Гений христианства», «Замогильные записки». «Исторический, политический и моральный опыт о древних и новых революциях, рассмотренных в их отношениях с французской революцией» (1797) был опубликован в Лондоне и поначалу получил известность главным образом в эмигрантской среде. Задаваясь вопросом о влиянии политических переворотов прошлого на последующие века, Шатобриан говорил о важности установить причины французской революции, ее вероятные последствия и будущее той системы правления, которая была установлена в результате связанных с ней событий. Автор заявлял, что работа над книгой заняла у него почти три года, результат же, по его мнению, представлял собой точный анализ современных событий и несколько не подлежал пересмотру в зависимости от газетных новостей и последних успехов различных политических сил. Шатобриан называл свою книгу чем-то вроде дневника, в который

одиноким эмигрант, лишенный связей и друзей, заносил свои мысли в перерывах между трудами, направленными на повседневный заработок. Он стремился создать текст, равно полезный всем читателям, чтобы к нему отнеслись без пренебрежения представители разных партий. Он говорил об обязанности автора начать с изучения самого себя: надлежало подвергнуть рассмотрению «свои страсти, предрассудки и интересы» с тем, чтобы они не смогли незаметно склонить к ложным выводам. Констатируя свою беспристрастность, он призывает внимательно отнестись к его труду, затрагивающему самые важные вопросы для тех, кому довелось жить во времена глубокого «кризиса». Характеризуя свой метод, Шатобриан говорил о необходимости рассмотрения состояния нравов и наук того или иного народа для понимания причин свершившихся революций. При этом он пояснял: «Под словом революция я понимаю далее, следовательно, только полное преобразование управления народом, либо из монархического в республиканское, или республиканского в монархическое» [5, р. 48]. Соответственно, он отказывается считать революцией смену династии, падение власти в результате войны с другим государством, гражданскую войну, не приносящую значительных перемен в системе управления. Следуя такому подходу, Шатобриан выделял пять революций в античную эпоху и семь в Новое время. Он настаивал, что «гений греков и римлян настолько отличается от гения современных народов, что между ними с трудом могут находить какие-то черты сходства» [5, р. 49]. Первую из революций в длинной их череде он видел в переходе греческих городов к республиканскому правлению. Общая закономерность подобного перехода, согласно Шатобриану, в том, что его инициируют, как правило, отнюдь не народные массы, а представители богатых, знатных родов, стремящиеся увеличить свою власть и потому направляющие свои усилия на подрыв царского могущества. По мнению автора «Опыта», французские революционеры, восхищавшиеся своими древними предшественниками, заимствовали у них прежде всего пороки, но не добродетели. Не достигая величия древних, их современные подражатели запятнали себя жестокими убийствами. В то же время Шатобриан полагал, что слишком многие параллели между древней историей и современной вполне оправданны; более того, он настаивал на тезисе о периодическом повто-

рении сходных событий. Объясняя случающиеся возвраты к давно минувшему человеческой ограниченностью, как в плане способностей, так и в плане имеющихся в распоряжении у людей средств, он заключал о «движении по кругу», причиной которого вовсе не следует считать фортуна. Истории, таким образом, оказывается свойственна определенная «математическая точность» в ее постоянном повторении. Отсюда, согласно Шатобриану, вытекает необходимость отказа от безудержного стремления к новшества, этого «бича» европейских народов. По его мысли, всякий, кто понял, что «нет ничего нового в истории», теряет интерес к политическим нововведениям и желание в них участвовать. Невежество же совсем не способствует выздоровлению общества. Кроме того, в подобном контексте знание прошедших эпох подсказывает и судьбу французской республики: автор «Опыта» намекает читателю на невозможность укрепления революционной власти на длительный срок. Политическое будущее определяется для Шатобриана, прежде всего, нравами, господствующими в обществе и знание о них может послужить своего рода ключом к пониманию текущей ситуации. Размышляя о человеческой природе, он говорил о двух главных «органах», присущих каждому из людей: это «сердце и голова». В то время как одна чувствует, равно как судит о добре и зле, другая сопоставляет отношения, заключает о причинах и следствиях, создает науку.

Впоследствии, в «Замогильных записках», Шатобриан говорил о том, что «Опыт» являлся итогом того этапа его жизненного пути, который отмечен большим влиянием просветителей с их антиклерикализмом. При этом он именовал точку зрения «Опыта» «скептицизмом», отказ от которого характеризовал следующий этап его творчества. Его возвращение к религии было следствием личной драмы, оставившей в его сознании неизгладимый след. Вспоминая об этом, он писал о своей умиравшей матери, которая, осуждая «заблуждения», выраженные в его книге, поручила одной из его сестер вернуть его к религии предков: «Сестра передала мне последнюю волю матери. Когда письмо нашло меня за морем, самой сестры уже не было в живых; она также умерла, ибо тюрьма истощила ее силы. Эти два голоса, воззавшие из могил, эта смерть – посланница другой смерти, потрясли меня. Я стал христианином. Признаюсь, не сверхъестественное откровение тому причи-

ной: обращение мое свершилось в сердце: я заплакал и уверовал» [2, с. 165].

Свое развернутое обоснование видоизмененные принципы философии истории Шатобриана получили в его главном труде «Гений христианства, или красоты христианской религии» (1802). В этой книге он с осуждением уподоблял «Энциклопедию» Даламбера и Дидро вавилонскому смешению наук, с пренебрежением упоминал о некоей мудрости, разбросанной в алфавитном порядке. Он говорил о моде на неверие, охватившей последний век, о борьбе всех видов заносчивости и самолюбия против религии, использующих в этом противостоянии самые разнообразные средства: памфлеты, софизмы, эпиграммы. Свои голоса против религии объединили «важные философы» и провинциальные академии, превратившиеся в рассадник дурного вкуса. «Наконец, *было признано*, что христианство не более, чем варварская система, падение которой не могло произойти слишком рано для свободы людей, прогресса просвещения, радостей жизни и утонченности искусств» [5, р. 468]. Шатобриан видел в сложившемся положении дел возврат к язычеству; «ненависть к Евангелию» он истолковывал как своего рода падение в пропасть. Христианство, по его мнению, с момента своего появления на земле постоянно сталкивалось с тремя типами врагов, таковы «ересиархи, софисты и люди, внешне легкомысленные, которые разрушают все, смеясь» [5, р. 465]. Язычники обвиняли христиан в безбожии, но подлинный атеизм зародился в Европе вследствие религиозного раскола, результатом которого явилось распространение ереси и идущего за ней неверия. Несмотря на попытки умов по-настоящему незаурядных противостоять позиции софистов накануне революции, их борьба не принесла успеха, оказалась бесполезной. Настроение пустой, легкомысленной толпы изменить они не смогли. Согласно Шатобриану, защитники религии совершили грубую ошибку: не следовало вести обсуждение отдельных догм, столкнувшись с полным отрицанием, ниспровержением основ веры. Свой метод защиты религии он определяет как новаторский, противоположный применявшемуся прежде подходу. «Отправляясь от миссии Иисуса Христа и восходя от следствия к следствию, они устанавливали, вероятно, весьма основательно истины веры; но этот способ аргументировать, превосходный для семнадцатого столетия, когда основа ее совсем не была

оспариваема, нисколько не годился в наши дни. Следовало держаться противоположного пути: переходить от следствия к причине, не доказывать, что христианство превосходно, поскольку оно исходит от Бога; но что оно исходит от Бога, потому что оно превосходно» [5, р. 469]. Соответственно, замысел автора в том, чтобы через описание «красот» религии представить новый тип ее апологии. Этот замысел становится точкой отсчета применительно к оценке событий мировой истории, равным образом определяя направленность интерпретации будущего.

Шатобриан считал ошибкой установку все-речь принимать современных ему, опровергающих религию «софистов», вступая с ними в полемику по каждому поводу: люди подобного сорта, на его взгляд, не стремятся к истине, поэтому их нельзя ни в чем переубедить, они не откажутся от своих заблуждений. Новоявленные ниспровергатели основ руководствуются желанием приобрести известность, поднять шум вокруг своего имени, любой ценой закрепить за собой репутацию великих. Выражая свое отношение к философии просветителей и ее социальной роли, Шатобриан заявлял: «Не софистов следовало бы примирить с религией, а введенную ими в заблуждение массу людей. Их совратили, твердя им, что христианство – культ, родившийся в недрах варварства, абсурдный в своих догмах, смехотворный в своих обрядах, враждебный искусствам и литературе, разуму и красоте; культ, который только и делал, что проливал кровь, поработал людей, и мешал счастью и просвещению человеческого рода». Бросая вызов влиятельной интеллектуальной традиции XVIII в. и вместе с тем формулируя важнейший тезис своей философии истории, он продолжал: «Должны были, следовательно, напротив, стремиться доказать, что среди всех религий, когда-либо существовавших, христианская религия самая поэтическая, самая гуманная, наиболее благоприятная для свободы, искусств и литературы; что современный мир ей обязан всем, начиная с агрикультуры вплоть до абстрактных наук; начиная с приютов для несчастных вплоть до храмов, воздвигнутых Микеланджело и украшенных Рафаэлем» [5, р. 469–470]. Христианство, согласно Шатобриану, благоприятствует гению, развивает вкус и добродетель, воплощает самую высокую мораль. Оно придает торжественность и энергию мысли, совершенство творчеству художника, благородство слогу писателя. На стороне христианства

целая плеяда величайших умов прошлого: «нет ничего постыдного в том, чтобы верить с Ньютоном и Боссюэ, Паскалем и Расином».

Шатобриан был убежден, что в его время теологическое сочинение в защиту христианства никого не увлечет, оно, скорее всего, будет прочитано немногими верующими, не нуждающимися ни в каких доказательствах. Такого рода апология ему представлялась полностью исчерпанной. Он считал необходимым сместить акцент в сторону иного обсуждения достоинств религии, основывающихся не на божественном, а на человеческом знании. «Но нет ли опасности в рассмотрении религии в чисто человеческом свете? И почему? Боятся ли наша религия света? Великое доказательство ее небесного происхождения именно в том, что она выдерживает самую строгую и тщательную проверку разума. Разве хотят, чтобы нам вечно бросали упрек в сокрытии наших догм в священной ночи, из страха, как бы не обнаружили их ложности?» [5, р. 470]. Для автора «Гения христианства» представлялись безвозвратно прошедшими времена, когда уместным могло выглядеть требование верить, не рассуждая. Разум нуждается в исследовании истины, когда же ему отказывают в этом праве, он выступает против навязываемых ограничений. «Боязливое молчание» верующих в ответ на вопрошания оппонентов лишь уменьшало авторитет религии, способствовало торжеству тех, кто твердил об абсурдности и ничтожности христианства. Свою важную задачу Шатобриан видел в том, чтобы убедительно продемонстрировать, как религия, ничуть не принижая разум, не вызывая измечлания человека, пробуждает в нем самые возвышенные движения души. Поэзия, живопись, скульптура, архитектура, музыка, философия несут на себе отпечаток благородства, величия, утонченности христианства. «Мы осмеливаемся думать, что такой способ рассмотрения христианства представляет малоизвестные отношения: величественное древностью своих воспоминаний, восходящих к колыбели мира, неизреченное в своих тайнах, восхитительное в своих таинствах, занимательное в своей истории, небесное в своей морали, богатое и очаровательное в своих торжествах, оно требует картин всех видов» [5, р. 471]. «Божественная комедия» Данте, «Освобожденный Иерусалим» Тассо и «Потерянный рай» Мильтона заключают «красоты высшего порядка», которые сопряжены с глубинами христианской веры.

Христианская поэзия, по Шатобриану, выше языческой, ибо в ее арсенале к описанию природных характеров добавляются характеры исправленные, преображенные под воздействием религии. Отсюда – многочисленность христианских красот, немаловажно и то обстоятельство, что большее количество возможностей, открытых поэту, увеличивает и силу его воздействия на слушателей и читателей. По сравнению с древней литературой в христианской многообразнее и полнее представлены общественные характеры. В отличие от однотипного по своей сути жреца христианский священник предстает в литературе в образах пророка, миссионера, отшельника, ученого монаха, приходского кюре. Изрядные расхождения касаются и образов воина: античный герой жесток, самоуверен, воплощает собой «физический идеал»; христианский рыцарь благороден, бескорыстен, чужд вероломству, выступает носителем нравственного идеала.

В живописи, по Шатобриану, более всего гений художников Нового времени вдохновляла религия, ибо сюжеты мифологические удавались им в целом гораздо хуже тех, что были заимствованы из Священного писания. Новозаветные мотивы добавили нежности изобразительному искусству. Вместе с тем христианство вносит в живопись больше драматизма, чем было присуще ей прежде.

В области архитектуры колокольная, неведомая античным храмам, придала неповторимый облик городам. Равным образом купола европейских храмов разительно отличают их от творений зодчих древности. В этом отношении знаменитые соборы в Риме, Лондоне и Константинополе воплощают собой новый дух, являясь шедеврами красоты и вкуса, выражают особый религиозный и нравственный мир. В готическом соборе человек испытывает неподдельный душевный трепет, ощущая присутствие высшей силы. При этом сам готический собор подобен сумрачному лесному лабиринту, как бы украшенному каменной листвой, где столбы, своды, низкие двери напоминают о дубовых рощах и символизируют священную тайну. Совсем иной облик свойствен храмам древности – коринфские колонны имели образцом пальмы, а египетские – смоковницы и типичные африканские деревья. Для Франции расцвет религиозной эпохи обретает свое знаменитое воплощение в Версале, великолепный, изысканный дворец которого подобен целому городу.

По Шатобриану, только христианство позволяет проникнуть в тайну человеческой природы в ее полноте – и телесной, и душевной. Назначение человека, его страсти, его характер, его страдания, – все это находит свое освещение сквозь призму истинной религии, которая, в отличие от прочих, учит не отделять Бога от его созданий, помнить об искупительной жертве Сына Божия. Христианство глубоко преобразовало нравственное измерение человека: если для античности гордость выступала как добродетель, а смирение как порок, то для приверженцев Церкви их оценка меняется на противоположную. Именно христианством выдвигается на первый план двойственность человека, контраст между его низменностью и величием. Вера для христиан является особой, возвышенной страстью, вмещающей и страдания, и радость; такое отношение к миру неведомо язычеству.

Просветительский «век философии» Шатобриан расценивает как разрушающий воображение, а потому враждебный художественному творчеству, приводящий к упадку изящные искусства. Красноречие, живопись, архитектура переживают не лучшие времена. Так, к примеру, недалеко от устремленного к небу парижского Дома инвалидов возникает военная школа, как бы стелющаяся по земле, воплощая тем самым дух неверия. Автор «Гения христианства» отдавал предпочтение авторам XVII в. перед мыслителями XVIII в. Он восхваляет проницательность и глубину Боссюэ, Паскаля, Лейбница, Кларка, Лабрюйера, Фенелона, Арно, Николя. По Шатобриану, от них «ничто не ускользало», они находились на большей высоте, чем большинство людей последующего века, и хорошо разглядели ту бездну, куда устремилось впоследствии человечество. Все тайны религии, морали, политики были для них открыты. «Век философов» немало у них заимствовал, но переиначил, упростил, в чем-то даже извратил. Так, просветители почерпнули из творчества Паскаля идею ничтожества человека, но необоснованно отбросили мысль о величии. Монтескье зачастую просто развивал некоторые суждения Боссюэ. Вольтер, стремившийся к ниспровержению христианства, именно религии был обязан лучшими местами своих трагедий. Но, поставив на место религии философию, он сам ограничил свои творческие возможности, оставив неиспользованной лучшую из имевшихся в его распоряжении струн. Для Шатобриана Вольтер – «двойственный гений», вызываю-

щий и восхищение, и неприязнь, жалость, даже ненависть. «Век Людовика XIV», несомненно, имел представление об опасностях, которых не избежало последующее столетие. Но классики XVII в. умело им противостояли, не поддались ни слабостям, ни ложным увлечениям, они оказались выше них и тем самым явили миру свое истинное душевное могущество.

Ход истории, по мысли автора «Гения христианства», определяется божественным провидением. Именно Создатель посылает народам «силу и предусмотрительность, слабость и заблуждения». Поэтому все в истории «имеет своим началом Господа». Исходя из этого убеждения, становится легко объяснить все прочее: и замыслы властителей государств, и народные страсти, и «лживость» многих хитрых политиков. Вся «мудрость человеческая» не составляет никакого секрета для того, кому открылись пути Господни. Судьбы людей не выводятся из ничтожных причин, они покоятся на высочайшем основании. Характеризуя события французской революции, Шатобриан говорил об утрате людьми добродетели, простоты и величия сердца вследствие того, что сам Бог «отвратил от нас свое лицо». В результате над людьми чрезмерную власть приобрела «сила первородного греха», увлекающая их к преступлениям, к забвению своей связи с предками. Спасение Франции – «лагерь на Рейне», на ее границах, в котором присутствуют и «предусмотрительность и величие» (подобно тому, как было в эпоху Меровингов). Вторжение в ее пределы армий других государств не устранит злоупотреблений и ошибок, ибо руководствуются иноземцы отнюдь не благородными помыслами. Поэтому от них отвернулась военная удача; несправедливость их деяний не осталась тайной для Создателя. «Таким образом, религия, по-видимому, приводит к объяснению самых непостижимых фактов истории» [5, р. 833].

В «Замогильных записках», над которыми Шатобриан работал с 1811 по 1847 гг. (замысел книги относится к 1803 г., публикация – к 1849–1850 гг.), он выразил свое отношение к множеству современных ему событий. Присутствуют в книге и суждения общего плана, характеризующие его понимание направленности мирового процесса.

В 1821 г., вспоминая взятие Бастилии, свидетелем которого он был, Шатобриан писал, что толпа не захватила бы крепость, если бы не открытые трусливым комендантом и инвалидами ворота. Событие это, на его взгляд, Примеча-

тельно своими бесчинствами и убийствами, совершенными «кабацкими героями». «Все восхищались деянием, которое следовало осудить, несчастным случаем, и никто не понял, что взятие Бастилии, это кровавое празднество, открывает новую эру, в которой целому народу суждено переменить нравы, идеи, политическую власть» [2, с. 70]. Разрушение крепости было связано в памяти Шатобриана с завершением существования «старой Франции». В последующих событиях он видел три «революционные эпохи», связывая их с именами Мирабо, Робеспьера, Наполеона. Мирабо он воспринимал как защитника аристократического принципа, желавшего сохранить монархию, избавив ее от ненужных «суеверий», но в итоге лишь поспособствовавшего охватившим страну разрушениям. Шатобриан, беседуя с Мирабо, увидел в его глазах «гордыню, порок и гений» и сравнивал его личность с «бесформенно клубящимся хаосом Мильтона». Идеалом Робеспьера была демократия, причем ему было свойственно «лицемерие палача». Он говорил о Боге и опасности тирании, оправдывая совершаемые убийства своей мнимой добродетелью. К Наполеону же Шатобриан испытывал двойственные чувства: восхищаясь его гениальностью, не устал критиковать за деспотизм. Для Бонапарта «его воля была его судьбой и его фортуной», после возвращения из Египта, «девяти месяцев ему хватило, чтобы ниспровергнуть народную революцию во Франции и чтобы раздавить абсолютные монархии в Европе». «Бонапарт был поэтом действия, великим гением войны, неотомимым умом, искусным и здравомыслящим в управлении, трудолюбивым и рассудительным законодателем» [4, I, р. 717, 745, 996]. Не менее настойчиво стремился Шатобриан подчеркнуть и другую сторону личности Наполеона: «он ценил только результат, средство было ему безразлично», «18 брюмера свершилось; родилось консульское правление, и свобода умерла». «Чудовищная гордость и постоянное притворство портят характер Наполеона» [4, I, р. 721, 739, 1002]. Постоянно проводимая параллель между собственным жизненным путем и судьбой Наполеона выступает важным связующим элементом мемуаров Шатобриана. Автор «Записок» не скрывал, как потрясла его единственная беседа с Наполеоном: «Неистовый Бонапарт удалился. Я уподобился Иову: в ночи «дух прошел надо мною; дыбом стали волосы на мне...»» [2, с. 194]. Что же касается узника острова Святой

Елены, то он неоднократно выражал высокую оценку литературного дарования Шатобриана.

Автор «Замогильных записок» оценивал свою книгу 1802 г. как вызвавшую настоящий переворот в литературе и умах современников. «Однако воздействие «Гения христианства» не ограничилось минутным воскрешением религии, которую все считали покоящейся в могиле: он совершил превращение более долговечное. Новым в книге был не только слог, но и доктрина; не только форма, но и содержание: отныне, выбирая между верой и неверием, юные умы перестали почитать исходной точкой атеизм и материализм; идея Бога и бессмертия души вновь обрела власть над людьми: отсюда многочисленные изменения в цепи связанных друг с другом идей» [2, с. 191–192]. Реставрацию Шатобриан, всю жизнь остававшийся убежденным роялистом, ассоциировал с принципом свободы. В свою очередь, на его взгляд, фундаментом империи была сила, а республики – равенство. Он не был поборником возврата к «старому порядку», который считал невозможным, но выступал защитником идеи конституционной монархии. Эту идею он рассматривал как наиболее разумную применительно к современному состоянию общества. Революцию 1830 г. он оценивал как следствие слабости короля, не понимавшего своего действительного положения, глубоко ошибавшегося в политических расчетах. Орлеанский дом, пришедший к власти в лице Луи-Филиппа, Шатобриан считал неспособным удержать за собой трон: ведь он был добыт греховным путем забвения долга, «ограбления ребенка и сироты». Смысл революции 1830 г., которую он провозглашал событием исключительной важности для человечества в целом, автор «Замогильных записок» видел в переходе от монархии наследственной к выборной, что, на его взгляд, подрывало принцип королевского суверенитета. Если древние франки когда-то передали власть от народного собрания немногим вождям, а затем наследственным правителям, то в XIX в. Шатобриан видит противоположную тенденцию: «Нынче мы двинулись вспять от наследственной монархии к выборной, а от выборной постепенно дойдем до республики. Вот история общества» [2, с. 446]. Он не раз повторял, что путь французской монархии определит судьбы всех прочих королевских домов. При этом он выступал и против республиканцев, отождествляя их способ борьбы с грубым насилием, и против ультрароялистов, ошибочно,

на его взгляд, обращающихся к прошлому как «единственному источнику спасения». Он считал возможным соединить либеральные идеи с принципом наследственной власти, примирить трон с новейшими веяниями. По его мнению, если этого не добиться, то монархия обречена. Своего рода итогом философии истории Шатобриана выступает его положение о том, что будущее вариативно, но невозможно без религии: «В конечном счете мои изыскания приводят меня к мысли, что прежнее общество рушится само собой, что же до общества будущего, то, на какой бы идее оно ни основывалось – на чисто республиканской или на преображенной монархической, – человек, чуждый христианству, вообразить его не в силах. По какому пути ни пойдешь, желанные усовершенствования можно почерпнуть лишь в Евангелии» [2, с. 592].

Шарль-Огюстен Сен-Бёв, размышляя об эволюции взглядов Шатобриана, особо акцентировал внимание на его понимании истории. Знаменитый литературный критик характеризует развитие воззрений Шатобриана как переход от концепции круга в истории (выраженной в «Опыте о революциях») к идее спиралевидного движения, включающей тезис о совершенствовании человечества. При этом он заявляет, что уже «Опыт», несмотря на свойственные этой книге «сомнения, заходящие настолько далеко, как это возможно», склоняется к «социальному христианству» [10, I, р. 164]. Оценивая созданный Шатобрианом образ императора, он находит его не вполне убедительным, начертанным под влиянием очень личностных мотивов. «Он вводит в свои *Мемуары* постоянный антагонизм, слишком неравную и почти смешную дуэль между собой и повелителем мира... Он чувствует, что Наполеон есть и будет великой, популярной фигурой новой истории, и он признает неудобство бороться с этим кумиром, он, претендующий сам тоже быть кумиром. Отсюда печальные противоречия и запутанные чередования суждений, посредством которых он пробовал согласовать приступы гнева своего прошлого и свои расчеты на будущее» [10, I, р. 399]. Вообще, тема «Наполеон и Шатобриан» привлекала внимание многих исследователей, порождая разноплановые суждения. Так, Альбер Кассань полагал, что Шатобриан «не был человеком, готовым отречься от своей индивидуальности. Однако, Наполеон любил только специальности, являющиеся наиболее легко управляемыми инструментами. Он не любил индивидуальности. Ша-

Шатобриан преуспел как литератор, он видел в нем только литератора; одного только литератора он желал использовать, и еще в назначенные часы, по своей воле. Напротив, Шатобриан хотел навязать именно свою индивидуальность, во всей ее широте. Наполеон этого не желал» [3, р. 180].

Жан Тюлар говорит о том, что судьба Наполеона виделась Шатобриану, как и Ламартину, не провиденциальной, а преимущественно как линия жизни узурпатора, неразборчивого в средствах, воспользовавшегося революционной «усталостью Франции» и захватившего трон, по праву принадлежащий древнему роду. «Неожиданное возвышение и не менее внезапное падение». При этом довольно существенно, что ««Гений христианства» отвечал глубокому замыслу Бонапарта восстановить во Франции католицизм» [11, р. 57, 273]. Тьерри Ленц подчеркивает важный факт интеллектуальной биографии Шатобриана: «Второе издание «Гения христианства», появившееся за четыре дня до церемонии в соборе Парижской Богоматери, было посвящено Бонапарту, к которому автор обращался в следующих выражениях: «Франция, возвышенная Вашими победами, связала с Вами свои надежды, с тех пор как Вы поддерживаете религией основы государства и Вашего благополучия»» [8, р. 478]. Натали Петито замечает, что Наполеон мечтал о «новом Вольтере», способном прославить его деяния, и в этом плане Шатобриан его вполне разочаровал: «Он рассчитывал получить объединение самых авторитетных литераторов. Но Шатобриан, как и Жермена де Сталь, совсем напротив, встали на сторону оппозиции» [9, р. 198].

Жан-Поль Клеман определяет эволюцию воззрений Шатобриана как переход «от деизма, превозносимого в *Опыте о революциях*» к апологии религии, совершающийся таким образом, что «Бог *Опыта о революциях* был архитектором, Бог *Гения христианства* будет главным образом художником». В «Гении», своем «литературном и политическом манифесте», Шатобриан «порывает со старым презрением к прошлому, афишировавшим философов, показывая, как длинная череда веков свидетельствует в пользу христианства». С политической точки зрения, Клеман характеризует «Гений христианства» как книгу, «наполненную старой монархией», добавляя к этому: «другая важная тема, призванная стать кредо его политической жизни: отношения между христианством и свободой» [6, р. 1665–1666]. Александр Дю-

валь-Сталла связывает с деятельностью Наполеона и Шатобриана, с их пересекающимися биографиями, формирование индивида нового типа. «Франция родилась с революцией. Также определенная идея славы и величия: Наполеон был ее архитектором и Шатобриан глашатаем. Надолго соединяя политику и литературу во Франции. Через политическое и литературное 18 брюмера. Шатобриан и Наполеон написали новую страницу истории Франции, после чего французская революция, в ее иступлении и ужасах, была уничтожена. Образовалось новое общество... оно нашло в индивидуализме определенное спасение. Из вертикального, французское общество стало горизонтальным. Это равенство становилось страстью. Заслуга, его маской. Наполеон и Шатобриан инициировали формы нашей современности» [7, р. 342]. Со своей стороны, В.П. Визгин вполне справедливо заключает: «Шатобриан не только выдающийся писатель-историк, мастерски воссоздавший в слове «утраченное время», но и мыслитель пророческого склада, в обоих указанных качествах интересный для нас, живущих в начале XXI в.» [1, с. 25].

В философии истории Шатобриана соединены установки на постижение природы человека и раскрытие направленности движения социума. При всей несомненности эволюции его мысли, необходимо констатировать и преемственность между творческими этапами его жизненного пути. В частности, он всегда оставался роялистом, не отступая от своего политического идеала, сквозь призму которого смотрел на современные события, равно как и на давно отошедшие в историю. На всем протяжении своей творческой биографии он следовал установке на самоанализ, которая была органично вплетена в ткань его размышлений о всемирной истории. Сквозная тема многих его рассуждений – роль прошлого в настоящем, убеждение в ее исключительной значимости никогда его не покидало. Осмысление революции выступало для него не самоцелью, а особым способом решения проблемы будущего человечества. Его метод в качестве отправного пункта предполагал обращение к состоянию нравов и уровня культуры различных народов. Устанавливая параллели между различными явлениями античной и новоевропейской культуры, он не устал обращать внимание и на несходства. Мотив повторения в истории сохраняет свое значение на всем протяжении творческого пути Шатобриа-

на, хотя и получает различное выражение, понимается все с большими ограничениями.

Сторонник просветительской философии в начале революции, он открыто выступает против нее впоследствии. Но некоторые ее черты можно обнаружить и в его позднем творчестве – отказ от слепой веры, призыв к рассмотрению вопроса об истинности религии в «человеческом свете», безо всякой опоры на знание, предполагающее сверхъестественный источник. Нравственную сферу он трактует как ключ к пониманию социальных отношений. В идеях он видит важную причину изменений общества. Вместе с тем, начиная с «Гения христианства» он противопоставляет просветительскому пониманию истории провиденциализм, а человеческую природу истолковывает в русле христианской философии. Именно христианская мудрость, на его взгляд, заключает в себе возможность предвидения опасностей будущего. Принципы его претерпевшей трансформацию философии истории определяются своеобразной апологией религии, очаровавшей умы многих его современников. Ее художественная форма и сегодня способна вызывать неподдельное восхищение, а установка на соединение социальных форм, выработанных прошлым человечества, с новейшими веяниями в культуре найдет еще немало своих сторонников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Визгин В.П. Время и слово в мемуарах Шатобриана // Очерки истории французской мысли. М.: ИФ РАН, 2013. С. 10–25.
2. Шатобриан Ф.Р. Замогильные записки. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995.
3. Cassagne, A., 1912. Chateaubriand et Napoléon. Revue des Etudes Napoléoniennes, t. II, pp. 161–181.
4. Chateaubriand, F.-R., 1991. Mémoires d'outre-tombe. T. I–II. Paris: Gallimard.
5. Chateaubriand, F.-R., 2012. Essai sur les révolutions. Génie du christianisme. Paris: Gallimard.
6. Clément, J.-P., 1992. Chateaubriand. In: Jacob, A. ed., 1992. Encyclopédie philosophique universelle. T. III. Paris: Presse Universitaire de France, pp. 1664–1667.
7. Duval-Stalla, A., 2015. François-René de Chateaubriand – Napoléon Bonaparte: une histoire, deux gloire. Paris: Gallimard.
8. Lentz, T., 2014. Le Grand Consulat. 1799 – 1804. Paris: Fayard.
9. Petiteau, N., 2019. Napoléon Bonaparte. La nation incarnée. Paris: Armand Colin.
10. Sainte-Beuve, C.-A., 1889. Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'empire. T. 1–2. Paris: Calmann Lévy.
11. Tulard, J., 2013. L'anti – Napoléon. Paris: Gallimard.

REFERENCES

1. Vizgin, V.P., 2013. Vremya i slovo v memuarakh Shatobriana [Time and word in Chateaubriand's memoirs]. In: Vizigin, V.P., 2013. Ocherki istorii frantsuzskoi mysli. Moskva: IF RAN, pp. 10–25. (in Russ.)
2. Chateaubriand, F.-R., 1995. Zamogil'nye zapiski [Memoirs from Beyond the Grave]. Moskva: Izd-vo im. Sabashnikovykh. (in Russ.)
3. Cassagne, A., 1912. Chateaubriand et Napoléon. Revue des Etudes Napoléoniennes, t. II, pp. 161–181. (in French)
4. Chateaubriand, F.-R., 1991. Mémoires d'outre-tombe. T. I–II. Paris: Gallimard. (in French)
5. Chateaubriand, F.-R., 2012. Essai sur les révolutions. Génie du christianisme. Paris: Gallimard. (in French)
6. Clément, J.-P., 1992. Chateaubriand. In: Jacob, A. ed., 1992. Encyclopédie philosophique universelle. T. III. Paris: Presse Universitaire de France, pp. 1664–1667. (in French)
7. Duval-Stalla, A., 2015. François-René de Chateaubriand – Napoléon Bonaparte: une histoire, deux gloire. Paris: Gallimard. (in French)
8. Lentz, T., 2014. Le Grand Consulat. 1799 – 1804. Paris: Fayard. (in French)
9. Petiteau, N., 2019. Napoléon Bonaparte. La nation incarnée. Paris: Armand Colin. (in French)
10. Sainte-Beuve, C.-A., 1889. Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'empire. T. 1–2. Paris: Calmann Lévy. (in French)
11. Tulard, J., 2013. L'anti – Napoléon. Paris: Gallimard. (in French)